

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

НЕКРАСОВ

СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДА
ТЕЛЬСТВО 1919

Н. А. НЕКРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению

ПЕТЕРБУРГ • 1919

От Народного Комиссариата по Просвещению.

Сочинения П. А. Некрасова монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительство. Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Николай Алексеевич Некрасов.

(Род. в 1821 г.—умер в 1877 г.).

В сороковых годах прошлого столетия русское общество стало постепенно пробуждаться от спячки, охватившей его в первую половину царствования Николая I-го. Освободительные идеи распространялись всё шире и шире, несмотря ни на какие строгости полиции и цензуры. Пламенные речи о свободе, равенстве и братстве, о гражданском долге, о всенародном благе волновали умы, будили общественную совесть. Мало-по-малу обозначились определенные задачи. Заговорили о коренном изменении существовавшего в России государственного строя. Но правительство твердо стояло на страже старых порядков, беспощадно подавляя всякую попытку открытого выступления.

В 1853 г. началась Крымская война, закончившаяся в 1855 г. падением Севастополя. Позорный исход войны показал, что вопрос о полном обновлении старого строя не пустая болтовня, а настоятельная необходимость. Правительство пошло на уступки; началась так называемая «эпоха великих реформ». Однако, правительство постаралось уступить как можно меньше, и когда раздались голоса, требовавшие большего, оно сумело заставить их замолчать. Стало ясно, что добыть свободу можно не словами, а действием. Освободительное движение перешло в революционную борьбу.

Некрасов, остававшийся всю жизнь верным идеям свободы и народного блага, приобщился им впервые в кружке Белинского, с которым познакомился в 1844 г. Знакомство было непродолжительным: в 1848 г. Белинский умер. Но за эти четыре года Некрасов успел вполне усвоить себе

вольполюбивые убеждения и чувства передовых кругов русского общества. Вместе с тем, определилось его отношение к себе, как поэту. Он полагал, что в такое время поэт не должен оставаться в стороне от общего движения, что в стихах своих непременно должен говорить обо всем, что волнует умы и сердца его современников. Убеждение, что поэт должен писать не для отвлеченных законов «вечной красоты», а для живых людей, которые его читают, не покидало его всю жизнь и вызвало презрительное к нему отношение поклонников «чистой поэзии».

Это широкая публика зачитывалась его стихами, находя в них отклик на волновавшие ее чувства.

Видя свое поэтическое призвание в воспевании гражданских идей и чувств, Некрасов, однако, вполне допускал возможность и другого рода поэзии. Он высоко ценил таких чуждых ему по духу поэтов, как Тютчев и Фет. Там, где он говорит о своей поэзии («Муза») или о призвании поэта («Поэт и гражданин»), Некрасов постоянно ограничивает свою точку зрения свойствами своего таланта и условиями текущей жизни. В стихотворении «Праздник жизни, молодости годы...» он даже сомневается в праве называться поэтом, так как нет в его «суровом, неуклюжем стихе творящего искусства». Время показало, что его сомнения были напрасны: гражданские стихи Некрасова до сих пор сохранили свое значение, несмотря на то, что условия, в которых он их писал, коренным образом изменились.

Современники вполне оценили гражданскую музу Некрасова. Его стихи раскупались парасхват; восторженная молодежь причислила его к своим духовным вождям и провозгласила величайшим поэтом. Но было одно обстоятельство, которое сильно смущало его поклонников и давало повод недоброжелателям обвинять Некрасова в неискренности и притворстве.

Дело в том, что внешняя жизнь Некрасова мало чем отличалась от жизни буржуазного общества его времени. Он жил богато, с удобством, любил хорошо одеваться,

хорошо поест, был членом английского клуба, вел крупную карточную игру, летом ездил в деревню на охоту, — словом, жил не так, как следовало бы, по мнению современников, жить человеку, посвятившему себя служению обществу и народу.

В то время, как одни из его друзей и соратников (Белинский, Добролюбов) умерли в нищете, изнуренные непосильным трудом, другие (Чернышевский, Достоевский) томилась в ссылке, — он спокойно пользовался всеми благами жизни, ничем не жертвуя в общей борьбе за свободу.

Некрасов сам чувствовал, что тут есть какое-то несоответствие, и мучился сознанием неисполненного долга. Правда, в молодости он сильно нуждался, голодал, ночевал под открытым небом; но всё это было в самом начале его литературной деятельности, когда он семнадцати лет от роду очутился в чужом Петербурге без копейки денег и без близких людей. Потом он быстро освоился с положением и в короткое время сумел не только встать на ноги, но и положить начало своему будущему благосостоянию, за которое вынес столько нареканий.

Кроме буржуазного образа жизни Некрасову ставили в вину его близкие отношения с правительственными чиновниками, преимущественно цензурного ведомства. В этом видели желание Некрасова оградить себя от возможных преследований. Особенно усилились нападки после того, как Некрасов написал стихотворение в честь генерала Муравьева, прославившегося кровавым подавлением польского восстания. Он надеялся таким путем спасти свой журнал «Современник», который правительство хотело закрыть за «вредное» направление. По этому поводу Некрасов написал стихотворение «Ликует враг...». Не задолго до этого случая Некрасов получил стихотворение от неизвестного ему лица, в котором автор прямо спрашивает его: правда ли, что говорят, будто

Твой чудный голос ложь;
Прельщаешь ты приговорною слезою
И словом лишь толку к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толяю.

В ответ на это Некрасов написал свое стихотворение «Неизвестному другу», в котором, не отрицая своих преступлений, просит простить его ради того немногого, что он сделал для блага родины.

Сознание, что он прожил жизнь не так, как надо, что не сделал того, что должен был сделать, неотступно преследовало Некрасова во время его предсмертной болезни. Его мучила мысль, что народ, о котором он так много писал, его не читает, что революционная молодежь презирает его за недостаточную стойкость убеждений, что люди искусства не признают его поэтом, что он умирает чужой для всех, никому ненужный. В такую тяжелую минуту было написано его стихотворение «Скоро стану добычею тленья...» и напечатано в январской книжке «Отеч. Записок» за 1877 г.

Общество, в лице петербургского студенчества, поспешило рассеять мрачные мысли умирающего поэта и выразить ему свои чувства. Группа студентов явилась к нему и передала покрытый многочисленными подписями адрес, в котором, между прочим, имелись такие стихи:

Наирасна мысль, что ты и жил
И умираешь недобим
Никем, что рок тебе сулил
Народу быть всегда чужим.
Певец народных зол и бед,
Певец крестьянского труда,
Ты был нам дорог с детских лет—
И будешь дорогим всегда.
И наша „серая толпа“
Тебя когда-нибудь прочтет,
От „лалтя“ бедного трона—
К тебе, поверь, не зарастет.
Мы верим, что наступит день,
Собою мрак он заменит,
Прогонит ночи долгой тень,
И солнце ярко заблестит...

Этот день наступил теперь; ровно через 40 лет после смерти Некрасова.

Стихи мои! Свидетели живые
За мирь пролитых слез!
Годитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

21 февр 1858 г

ПОЭТ И ГРАЖДАНИИ.

ГРАЖДАНИИ—*входит.*

Опять один, опять суров,
Лежит—и ничего не пишет.

ПОЭТ.

Прибавь. хандрит и еле дышет—
И будет мой портрет готов.

ГРАЖДАНИИ.

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь

ПОЭТ.

Так что же?

ГРАЖДАНИН.

Да глядеть обидно.

ПОЭТ.

Ну, так уйди.

ГРАЖДАНИН.

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило!
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

ПОЭТ.

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

ГРАЖДАНИН.

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул.
Проснись: громи пороки смело...

ПОЭТ.

А! знаю: вишь куда метнул!
Но я обстреленная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

Берет книгу.

Спаситель Пушкин!—Вот страница:
Прочти и перестань корить!

ГРАЖДАНИН—*читает.*

«Не для житейского волнения,
«Не для корысти, не для битв,
«Мы рождены для вдохновения,
«Для звуков сладких и молитв».

ПОЭТ—*с восторгом.*

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моею
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

ГРАЖДАНИН.

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,

Что даже сонней хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь—пора!
И я восторг твой разделяю;
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

ПОЭТ.

Не говори же чепухи!
Ты рьяный степ, но критик дикий.
Так я, по-твоему,—великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!..

ГРАЖДАНИН.

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы.
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо—
Ты твердо светоч свой держал;
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою вниотмах
Он чуть горел, мигал, метался...
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но куда
Не видно солнца нюткуда,
С твоим талантом стыдно спать!
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянии спорят небеса,
И ветер ласковый и сошной
Едва колеблет паруса,—
Борабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто, вместо корабля,
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет
И снасти рвет, и мачту клонит,—
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пёс—и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог-помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.

Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу ограда,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть снокойно
На горе матери родной, —
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

А ты, поэт, избранный неба,
Глашатай истин вековых!
Не верь, что немущий хлеба
Не стоит вещих струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди:
Не умер Бог в душе людей,
И вопль из верующей груди

Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служи искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Все-обнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

ПОЭТ.

Ты кончил?.. Чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других—потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша:
Спеша известности добиться,
Боишься мы с дороги сбиться
И тропкой точною идем;
А если в сторону свернем—
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Не очень лестный приговор.
 Но твой ли он? тобой ли сказан?
 Ты мог бы правильной судить:
 Поэтому можешь ты не быть,
 Но гражданином быть обязан.
 А что такое гражданин?
 Отечества достойный сын.—
 Ах! будет с нас купцов, кадетов,
 Мещан, чиновников, дворян,
 Довольно даже нам поэтов,
 Но нужно, нужно нам граждан!
 Но где ж они? Кто не сенатор,
 Не сочинитель, не герой,
 Не предводитель, не плантатор,
 Кто гражданин страны родной?
 Где ты? откликнись! Нет ответа.
 И даже чужд душе поэта
 Его могучий идеал!
 Но если есть он между нами,
 Какими плачет он слезами!!

И ты с собой его ровнял?

Гроза шумит и к бездне гонит
 Свободы шаткую ладью,
 Поэт клянет, или хоть стонет,
 А гражданин молчит и клонит
 Под иго голову свою.
 Когда же... Но молчу... Хоть мало,
 И среди нас судьба являла
 Достойных граждан... Знаешь ты
 Их участь?... Преклони колени!..
 Лептай! смешны твои мечты
 И легкомысленные пени!

В твоём сравнении смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

поэт.

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной,
Бороче — очень безрассудной —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнасс.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел..
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. Мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу, —
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,

И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои—
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень
Бедняк! и из чего поправ
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты—сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнекъя...
Угрюм и полон озлобленья
У двери гроба я стою ..

Ах! песнею моею прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в стени,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи—
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя—

То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Вичуя маленьких веришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней зываю—
Увы! сокрылась павсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О, Муза, гостьею случайной
Явилась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Пошел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

Лето 1856 г. близ
Ораниенбаума.

М У З А.

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум,
И не явилась вдруг восторженному взору

Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Второй золото — единственный кумир...
В усладу нового пришельца в Божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она пела мне — и колол был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданьям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном,
Всё слышалось в нем в смещении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Бричала: «мщение!» — и буйным языком
В сообщники свои звала Господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной,
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг

Смирался, утихал... и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Погуда, наконец, обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела—
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила...

1851.

[НА СМЕРТЬ ГОГОЛЯ].

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беснечность и покой,
Глушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят.

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грузь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют кулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря, и не веря вновь
Мечт' высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья,—

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных, и пустых лютей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его вьют,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавдя!

25 февр. 1852.

Праздник жизни—молодости годы—
Я убил под тяжестью труда,
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени—не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце пойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как везанпо хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело чтонибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца,
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

Замолкли, Муза мести и печали!
 Я сон чужой тревожить не хочу,
 Довольно мы с тобою проклинали.
 Один я умираю—и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
 Когда б хоть легче было от того!
 Мне самому, как скрип тюремной двери,
 Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
 Мой темный путь недаром омрача,
 Не просветлеет небо надо мною,
 Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
 Я звал тебя—во сне и на-яву,
 В труде, в борьбе, на рубеже паденья
 Я звал тебя,—теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
 Которую ты можешь осветить...
 То сердце не научится любить,
 Которое устало ненавидеть.

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА.

СЦЕНЫ ИЗ ДИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тинется вереница загонщиков, человек сто: мужики, оставшие солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За пародом Савелий, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, протоптанной народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон фон-дер-Гребен, нечто в роде посланника, важная, надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним Пальцов, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

ПАЛЬЦОВ.

Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:

Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс—в жилете.
Вино, рысак, лоретка—тут он весь
И с внутренним, и с внешним миром;
Его тщеславие вращается донысь
Между конюшней и трактиром.

Программа жалкая его—
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Всё, кроме светской суеты;
Гуашаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на грине
И тысячи бросать какой-нибудь цыганке;

Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать—*Александрию*.

Французским *jeunes premiers* в манерах подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в Милютинных рядах
За лавками—в кекурах тесных,
Где царствует обычай вековой:
Не мыть полов, салфеток, склянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,

Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим сльяна,
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогрессе являет он—
Наш милый франт—что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет.
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.
Стаканом можно каждого спить
И каждого не трудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

М И Ш А.

Ты легко франтов очертил.

Н А Л Ь Ц О В.

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи;
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы,
Современем родному краю
Готовятся...

М И Ш А.

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди—их понятия шире,
Доступна им живая цель.
Сбори-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы

До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Газумным, обцерусским делом...

П А Л Ь Ц О В.

Соединить их — мудроно!
Запесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Верпись-ка к фактам!

М И Ш А.

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот, например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

П А Л Ь Ц О В.

Вот чудо!

М И Ш А.

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге

С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я—его любезный внук—
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

П А Л Ь Ц О В.

Ты шутишь?

М И Ш А.

Нет, я не шучу!

Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья»,
И ты утетишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

П А Л Ь Ц О В.

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,—
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»
В администрацию понасть большая честь;
Но будь талант—пути открыты,
И падобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

МИША.

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчёта?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

ПАЛЬЦОВ — смеется.

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

МИША.

Ну! зоя ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом. —
А я опять-таки скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не силошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

ПАЛЬЦОВ.

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.

Шлифт земле: ладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — невелик секрет!

МИША.

И то уж хорошо, что времена прошли
Брать эти, не другие роли...
Давно ли мы безглазно шли,
Куда потопяг нас, давно ли?...
Тень, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремление...

ПАЛЬЦОВ—с *иневом*.

Божазуяча, не говорю
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тупеядства;
На нем предательства печать
И непонятного злораства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда повинный виноват,
А битым—счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва—сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом—усталость; наконец,
Все на-стороже, все в тревоге,

И покидается боец
Почти один на полдороге...
Убеда! мимо всех преград
Прошла и принялась идея:
Ура! кричим мы не робея,
И тот, кто рад, и кто не рад...
Зато с каким зловецким тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как ступешаться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клеветцем,
Как ретроgrадам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава—в полном смысле слова!..
Свалились в кучу—и готово
Холодской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, бляенье—
И жеребячье гоготанье—
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
Погибло песомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув людей продажных?
Нам всё равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим—
Нам дай повинку, дай потеху!
И вот повинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.

А завтра с радостью глядят,
Как «раповременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

Народ впереди сталовозился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Восхотскому, при чем таинственно указывал по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

САВЕЛИЙ.

На номера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

МИША.

Что ж можно? Можно водку пить!

Хохочет и, наливая из фляжки, потягивает Пальцова и пьет сам. Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая—налево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Барон фон-дер-Гребен и князь Восхотский на № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Вблизи него прислонены к дереву три лисуцера со свисающими курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатницей.

кн. ВОСХОТСКИЙ—*подходя к барону с своего, соседнего номера.*

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

БАРОН.

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитию заградил сам Бог.

КН. ВОЕХОТСКИЙ.

Да! да! непобедимые условия!
Но, к счастью, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловья
Полезны при условиях таких.

БАРОН.

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие — оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

КН. ВОЕХОТСКИЙ.

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условиях просвещать народ.
На почве, где с трудом рождается репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб,
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
Б в путях железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшения?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!

Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба;
За крошку хлеба капля пота—
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградил
Невежества спасительной броней.
Его удел—безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда—налоги, труд, рекрутство,
Его утеха—водка с дурманом!

Б А Р О Н.

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Пальцов и Миша на № 1-м. К Пальцову подходит с своего номера Миша.

М И Ш А.

Еще не скоро выйдет зверь...
Покамест, приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова: «общественное благо»
И произнести нужна была отвага,
Которую никто не обладал!
Когда одни житейские условия
Оближали нас, а по-престу расчет,
И липь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

ПАЛЬЦОВ.

Большой век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

М И Ш А.

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слышал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ стонаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

ПАЛЬЦОВ.

Большой век — великих мер!
«Не рассуждать — повиноваться!»
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

М И Ш А.

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь — а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитие
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — кутеж и стеклобитие,

Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостинных и лакейских)
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадьё мы прямое, —
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить:
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, слепша пабить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не мараил,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего...

П А Л Ь Ц О В.

О ком ты говоришь?

М И Ш А.

В литературе

Описан он достаточно; его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,

Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

ПАЛЬЦОВ.

Да это — а!

МИША.

Как хочешь — понимай!
Ты был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданными
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаниями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И бесцельного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда—
Всё же чту тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоём уныния
Беспримельного печать:

Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

ПАЛЬЦОВ.

Куда ж девались люди эти?

МИША.

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня сгнана—что нам в них?
Герои слова, а на деле—дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист—
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие досгали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
Зато теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь,—
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог на-помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пытай!
Не предали они—они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На подпути ..

Еще добром должны мы помянуть

Тогдашнюю литературу!

У ней была задача: как-нибудь

Намеком натолкнуть на честный путь

К развитию способную натуру...

Хорошая задача! Не забыл,

Я думаю, ты истинных светил,

Отметивших то время роковое:

Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,

Еще найдется славных двос, трое —

У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...

Молясь твоей многострадальной тени,

Учитель! перед именем твоим

Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,

Дремля и раболепствуя позорно,

Твой ум кипел — и новые стези

Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:

«Чернорабочий я — не белоручка!»

Говаривал ты намъ — и напролом

Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,

Едва ль не первый вспомнил о народе,

Едва ль не первый ты заговорил

О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,

На взгляд глупцов казался переменчив;

Но, пред врагом заносчив и упрям,

С друзьями был ты кроток и застенчив

Не думал ты, что стоишь ты венца.

И разум твой горел, не угасая,

Самим собой и жизнью до конца,
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя,—

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал—
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо—писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!

Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не занками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?...

Перед рядами многих поколений
Прошел твой образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!

Иытлив ты был; искусство и природа,
Наука, жизнь—ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русской землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Градовский умер... кто не надевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему не придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроенье такое...
Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,

Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно-ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнью народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

- - - - -

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями Бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят из плечах
Всё поколенья два-три человека!

Как ты меня, однакож, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...

. . . . .

В лесу раздаётся сигнальный выстрел и вслед затем крики, трещотки, хлопучики. Охотники поспешно расходятся на свои номера и становятся на-стрел рожь, со взведенными штуцерами...

Весна 1867 года.
Париж и Флоренция

С А Ш А.

И. С. Тургеневу.

1.

Словно как мать над сыновней могилкой,
Стоит кулик над равниной унылой,

Нахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?...
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все нажившие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я -враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром не сгнуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятия раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливой смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду —
Благо, не поздно — теперь же к соседу,

И поселись среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радужье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка немногим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Педалеко из дом.
Всё ли застану попрежнему в нем?

2.

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смутная Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книжки ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука:

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче, и краше...
Мило и молодо дитяtko вапе, —

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный, смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы,

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и рольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего боится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина;

Сосны вершинами машут приветно;
Кажется, шелчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей»

В наши объятья: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Поле идешь---все цветы да цветы,
В небо глядишь---с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызгается пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей»,

Думает Саша — «безумно' ронгтапье...»
Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив Бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне---

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю полиют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян!

Дорого-любо, кормилица нива!
Видеть, как ты колосилась красиво,

Как ты янтарным зерном палита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно весь день тому весело будет!

Сама проснется -- бежит на гумно.
Солнышка нет—ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали,
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снолами телегой
Чинно идет жеребеночек пегий,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают,
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло—начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Правилось ей

В пестром смещении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

«Сашенька! Саша!...» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздастся «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

«Э!.. Да никак колосистую рожь
«Переросла наша дочка!»—Так что ж?—

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу—серп удамой,
Девушке взрослой—жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник!—
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!»

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. По-утру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Нянька кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
На бок салазки—и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка—
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой.

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез,
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

По-низу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились—

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал—и вон побежал,

В темную пору забила лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменьи тащат муравьи,
Что ни попало, в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валялся,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стояли верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лился прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной...

Кончились поздно труды роковые.
Выплы на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна---

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом...
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает,

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым:

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик—
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц—пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи шней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами.

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы поседут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала—

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной
Шло через пни полоскою яитарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в гу ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саме не спится,—но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо.

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть!..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой, свободой могучи!

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3.

Третьего года, напй край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году, наконец, прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексенч Агарин.
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
Был—говорит—я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов—

Всё там приволье и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю.—
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей,
Да над природой подтрунивать нашей---

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,---

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать на-распев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,---

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но—говорит—не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И, в подтверждение надежды своей,
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же—ответать-то не хочет---
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

Бил — говорит — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время нечалаилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не теплят салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет,
Мы поживаем—и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно!

Вышла навстречу—и ахнул сосед!
Словно орбел. Мудреного нет:

В два-то последние года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и илепивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто на-зло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое:

Род человеческий низок и зол—
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил—мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день,
Саша тоскует и бредит, как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам, шутя:
— Тешится новой игрушкой дитя! —

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится Богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу» —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. Он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама неспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек,

Или какой чернокожничек-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?

4.

— Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по прежнему жить:

Саша поправится — Бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, — увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо, идти по дороге избитой
Лень помешала, да разум развитый.

— «Нет, я души не растрачу мойей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир — говорит — осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его. Нужны не годы,

Нужны столетья и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись—комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует—не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить—ему всё равно.
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только на верное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется—беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут петвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Брылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда не большая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное всё сделает время.
Сеет он, все-таки, доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы,—то бугор, то овраг:

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и чаги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: првеет весной

С теплого края,—оттуда, где люди
Дышат вольнее,—в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок, и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна—
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Петронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитячко ваше,
Тем встрепенется светлее в краше:

В добрую почву упало зерно—
Пышным плодом отродится оно!

Начато в 1852 г., окончено
весной 1855 г. в Ярославле.

ПЕСНЯ КРЕМУШКЕ.

Стой, ямщик! жара неспосная,
Дальше ехать не могу!—
Вишь пора-то сенокосная,
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку,
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

— «Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротинчке
Беспечально век прожить.

«Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

«В люди выдешь— всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

«И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Пяця! дай-ка мне дитя!

«На, родной! да ты откуда?»
— И проезжий, городской.—
— «Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— «Баю баюшки баю!

— В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт— ум глушцов!

— В нас под кровлею отеческой
Не запало ли одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней просвуться не мешай.

— С ними ты рожден природою—
Возлел-й их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

— Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

— Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

— Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

— С этой ненавистью правою,
С этой верою святою,
Над неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой.

— И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1858.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА.

(Писано в 1858 году).

Вот парадный подъезд. Но торжественным дням
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь—в том их призванье!
А в обычные дни этот пыльный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожекторы, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то-и-знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.

Возвращаясь, иной папеваает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,

Помолились на церковь и стали вдаль,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. — «Допусти», говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
Но котомке на спинках согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапги обутых
(Знать брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Нам не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Поставь,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной ленты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его Бог!
Разводя безнадежно руками,
И, куда ж видеть их жгз,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пребудешь! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя грома небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Цепехоное горе в сердцах!

Что тебе эта скорбь волиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

Безмятежной аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовопной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым лепием
Средиземной волны,—как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалою!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоюм для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу—
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье..
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас Провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой,

Всё проищют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овинном, под стогом,
Под телегой, почуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется—
То бурлаки идут бечевой!...
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Нереполнилась наша земля!—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой сон бескопечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинаясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?...

1858.

БАЛЕТ.

Дважды грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милое тούзья,
Но, каюсь, *пожела Терпсихору*
Прелестней чем-го для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желанней *свогосольных рой*..

Пушкин

Свирель и мороз неависный,
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест:
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд?
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба неярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка—сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик—кутила и мот),
И мышинный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов—
Всех молчаньем пройти я готов!
До балета особенно страстны
Армяни, персиянин и грек.
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?),—
Но и их я оставляю в покое,
Никого не желая сердить.
Зачмышляю я нечто другое—
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале

Словом, в обществе всяких родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце,
Есть одно—*угадайте, какие?*—
Выражение на русском лице...
Впрочем, может быть, вам недосужно?
Муза! дай — если можешь—ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поестъ;
Но взглядишь: при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило—
И великих, и малых людей—
И на каждом челе начертало
Надпись: *где бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я наднях прочитал ее даже
На почтениом одном мертвце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос—
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить;
Но занять, говорят, невозможно,—
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их—говорят.
Осуждают юристы героя...

Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в должном отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилаась за границею знать,
Отчего оголело дворянство—
Целпривно и речь заговать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощренье граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно киноши рыщут по балам,
Тщетно барышни ридятся в нух—
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Иллике¹⁾:
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь—откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Адрне и Мошра²⁾,
А звонят у подъездов нарядных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! Злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!

¹⁾ Хозяева «Английского магазина».

²⁾ Известные модистки.

Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сто ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С Богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают, и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить—такие приплыли времена!
Купишь что-нибудь—дерзкий приказчик
Ассигнацию шупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет,—
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!

Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом, сохрани меня Бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал;—
«Будто нет благородней материй?»

Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бель-этаж—настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены—
Сотни тысяч рублей, что ни грудь.
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах мужчины—евреи,
Или греки, да немцы в крестах
Нет кулечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бель-этаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье—
Цогодила б ты км цегодыкты!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но—
Не затих еще шопот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,—
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И, когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил—и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,—
Бог бы с ним. Расставаться топней!
С этой чопорной жизнью салонной

И с разгулом иными ночей,
С этим золотом, бархатом, шолком,
С этим счастьем послать принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, чтоб снова блистать,—
Но свершились пути Провиденья,
Всё погибло—и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен—богачам не забота,
Им простительна всякая блажь;
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! Вы бы надели
Платье проще!—Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелей
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой,
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед нехорош!

Марья Савишна глаз не слускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бель-этаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила пленяли
Сердце жепское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,

Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота.

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть).
Все бинокли приходят в движение —
Появляется кор де-балет.
Здесь позволю себе отступление:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал.
«Однако, вы — астроном!»
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о, профан!)
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стап...»

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В стремлении к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

«Не всё ж читать вам Бокля!
Не сто́ит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я прекло́нился ниц.
Готов я быть поэтом
Предестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин.

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терисихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... по для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глуны в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас!

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Бывилась ножка вправо—
Мы вправо...—Берегись!
Не вывихни сустава,
Приветль .. «Фора! bis!»

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру);
Паптоминною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Появилась в рубахе крестьянской
Петина—и театр застонал:
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем; но там,
Где есть нища народному чувству,
Торжество настоящее нам:
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Берпарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петина тренака?..
Пет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё—до ластовиц белых в рубахе—
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе..
Не артистка—волшебница ты!
Ничего не видали во-вски
Мы сходней; настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слялось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству плая,

Только ты, моя Муза, лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя..
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: Гурня рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевел, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекасмый лютым морозом,
Свершшаг дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..

А то есть и такие обозы —
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных,
Много тянется поездов длинных..

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры

Всё один пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,

Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
В углубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорохнет эта малая иташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный пап север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов

Пролетит и посятет на елты;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как пемы, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки, —
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается:
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый ковров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты, крестьянское горе!

Ой, ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!»
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичица. .
Эх! чего ты торопишь ее?
Как то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется, кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать, —
Там она приютится, попрячется,
До другого набора проплачется!

---

* * *

(ОТРЫВОК).

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,

Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о Боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Ваня — *в кучерском армячке.*
Папаша! Кто строил эту дорогу?
Папаша — *в пальто на красной
подкладке.*
Клейнмихель, душенька.
Разговор в вагоне.

I.

Славная осень! Здоровый, едрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студёной,
Словно как тающий сахар, лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным;
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II.

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваю держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод—название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей;
Ходит за плугом; стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие—в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам то всё косточки русские...
Сколько их, Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
«Любо нам видеть свой труд!

«Мы надрывались под зноем, под холодом,
«С вечно согнутой спиной,
«Жили в землянках, боролся с голодом,
«Мерзли и мокли, болели цынгой.

«Грабили нас грамотей-десятники,
«Секло начальство, давила нужда...
«Всё претерпели мы, Божии ратники,
«Мирные дети труда!

• Братья! Вы наши плоды пожинаете!
«Нам же в земле истлевать суждено...
«Всё ли нас, бедных, добром поминаете,
«Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусе:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо-дня-в-день налетала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: туно молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную—
Вынесет всё, что Господь ни пошлет!

Вынесет всё—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только—жить в эту пору прекрасную
Уж не придется—ни мне, ни тебе.

III.

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул—исчезла толпа мертвецов!
«Видел, панаша, я сон удивительный»,
Баня сказал:—«тысяч пять мужиков,

«Русских племен и пород представители
Вдруг появились, и он мне сказал:
— «Вот они—нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

-- Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же.. всё это народ сотворил?

— Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже нечистого горшка?

— Вот наш народ—эти термы и бани—
Чудо искусства—он всё растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать—разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Вавилом заняться пор;

— Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

IV.

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роговые
Кончены—немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался..
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё запоспели десятники в книжку—
Брал ли па баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
«Да, вот, поди ты!..» Махнули рукой ..

В синем кафтани — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздничный народ расступается чинно ..
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно...
«Ладно... нешто... молодца... молодца!..»

«С Богом теперь по домам, — поздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!*..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, прогяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1865.

ЕЩЕ ТРОЙКА.

1.

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, по кони бойко
Телегу мчат. В телеге той

Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2.

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес—и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: стоять!
Девятый ишкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит—и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3.

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взялкал,

И в доме, издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм налившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит—и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

4.

Иль, может быть, почным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое-ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство,
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлись, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает,
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь—и улетает,
Куда Макар телят гоняет!..

ПОХОРОНЫ.

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шло
И на нас цевзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знали во век:
Как у нас—голова бесшабашная—
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы...—тошнѣхонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорѣхонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойнее,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо нещобудно-спокойное,
Не скупясь, паводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка Божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается! ·
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятышки зачныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными ивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доканало сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит,—
«Чу!» кричат наши детки проворные:
«Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескучно давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива-ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, новестим твою милую:
Может быть, и придет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какую кручиную
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где вросел неширокий должок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хорсводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

С Е Я Т Е Л Я М.

Сейте званья на ниву народную!
Почву ты, что лиз, пахотивъ бесплодную,
Худы-ль твои семена?
Робок-ли сердцем ты? слаб-ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крушицами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

1876.

Д Р У З Ъ Я М.

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же—не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

1876.
Лзта.

* * *

Ликуют враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бесменно предо мной,
Великие страдальческие тещи,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял.
Зато кричат безличные: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого в позорному столбу.

27 апреля 1866.
Петербург.

НЕИЗВЕСТНОМУ ДРУГУ

ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ СТИХОТВОРЕЦИИ:

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О, родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость—в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть сию мы мгновенно смущены,
Но долгая—на веки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О, родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?

За каплю крови общую с народом
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел..
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути,
За каплю крови общую с народом
Прости меня, о, родина! прости!..

Я прязьвал был воспеть твою страданья,
Терпением изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведет;
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствее с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови общую с народом
Мои вины, о, родина! прости!..

1867.

* *
*

Что ты, сердце мое, расходилося?.

Постыдись! Уж про нас не впервой
лежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! Как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрим словцом.

1860

—
* *
*

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прощу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал:
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных—
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вешие их не допсты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет... На меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

По наброску 1872 года.

О Муза! я у двери гроба!
 Пускай я много виноват,
 Пусть увеличит во сто крат
 Мои вины людская злоба—
 Не плачь! Завиден жребий наш,
 Не наругаются над нами:
 Меж мной и честными сердцами
 Порваться долго ты не дашь
 Живому, кровному союзу!
 Не русский—взглянет без любви
 На эту бледную, в крови,
 Бнутом иссеченную Музу...

1877.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Н. А. Некрасов	3
Стихи мои! Свидетели живые...	7
Поэт и гражданин	7
Муза	17
[На смерть Гоголя]	19
Праздник жизни—молодости годы...	21
Замолени, Муза мести и печали...	22
Медвежья охота	23
Сапа	43
Песня Еремушке	65
Размышления у парадного под'езда	68
Балет.	73
Ночь. Успели мы всем насладиться...	86
Железная дорога	87
Еще тройка.	92
Похороны.	94
Сельтелям	98
Друзьям	98
Ликует враг...	99
Неизвестному другу.	99
Что ты, сердце мое, расходилось?...	101
Скоро стану добычею тленья...	101
О, Муза! я у двери гроба!...	102

Стандотворения Некрасова печатаются по тексту, представленному К. И. Чуковским для собрания сочинений Некрасова.